

ЛЕВ
ОВАЛОВ

МАЙОР ПРОНИН
И ПРОФЕССОР В ПОДВАЛЕ

ТАЙНЫЙ
ФРОНТ

Майор Пронин

Лев Овалов

**Майор Пронин и
профессор в подвале**

«Алисторус»

1962

УДК 323
ББК 63.3

Овалов Л. С.

Майор Пронин и профессор в подвале / Л. С. Овалов —
«Алисторус», 1962 — (Майор Пронин)

ISBN 978-5-00180-919-7

Майор Пронин, ставший генералом, расследует самое загадочное преступление советского времени. Американские агенты распоясались. В их арсенале – и убийства, и хитроумные ловушки, которые они строят советским людям. Их цель – профессор математики Ковригина, которую шпионам удалось выкрасть. Смогут ли они вывезти профессора в Штаты? Кажется, что для ЦРУ, которое работает в связке с большим бизнесом, нет ничего невозможного. Но Пронин и его товарищи принимают бой. Сломить советский характер невозможно! Многие в этой книге покажутся вам актуальными: Льву Овалову удалось предсказать накал нынешнего противостояния России с США. Читайте головоломный и изящный политический детектив от классика жанра.

УДК 323

ББК 63.3

ISBN 978-5-00180-919-7

© Овалов Л. С., 1962

© Алисторус, 1962

Содержание

Майор на все времена	6
Глава 1. Леночка знакомится с Королёвым	22
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Лев Овалов

Майор Пронин и профессор в подвале

© Овалов Л. С., 2023

© Замостьянов А. А., 2023

© ООО «Издательство Родина», 2023

* * *

Майор на все времена

О герое и его авторе

Писатель Лев Сергеевич Овалов

Перед вами последняя книга писателя Льва Сергеевича Овалова о майоре Пронина – быть может, самая важная. В ней он предсказал некоторые повороты будущей истории. В том числе – и той, что творится у нас на глазах. Постараемся немного приоткрыть контекст оваловской прониинаны и расскажем немного о её замечательном авторе.

Майор Пронин – герой бессмертный. Про него слышали даже те, кто никогда не вчитывался в книги Льва Овалова... Он вошёл в историю литературы и в анекдоты, а значит – и в состав народного характера. К таким героям следует относиться с особым вниманием. И двухтомник, который вы держите в руках – весомый образец русской советской массовой литературы. Добротной, влиятельной, захватывающей. В ней запечатлена эпоха и не только с парадного фасада. Но попытаемся рассказать об авторе и о его герое через судьбу человека. А мы можем только повторить слова писателя: «В XX веке в мире было три великих сыщика. Шерлок Холмс, Эркюль Пуаро и майор Пронин». Это правда. Потом у него попытался присоединиться Джеймс Бонд, но это всё-таки – «не тот боржом».

Лев Овалов – литературный псевдоним Льва Сергеевича Шаповалова (1906–1997). Кстати, в аннотациях ко всем книгам писателя неизменно указывалась его настоящая, дворянская, фамилия, а также имя с отчеством. К тридцатым годам Лев Овалов был, что называется, «известным писателем и литературным деятелем». Образцовая биография молодого коммуниста, участника Гражданской войны, вступившего в партию пятнадцати лет отроду, а до этого создавшего волостную комсомольскую ячейку в селе Успенском на Орловщине... Там писатель сполна повидал и кулаков, и диверсантов, и мнимых и явных шпионов – всех героев будущей советской остросюжетной прозы. Любимым поэтом с юности на всю жизнь был Александр Блок. Впоследствии майор Пронин и его верный оруженосец капитан Железнов не раз упомянут Блока в своих беседах. В те годы Лев Сергеевич прилежно сочинял стихи, но не спешил с публикациями. На закате НЭПа поэт внесёт свой вклад в развитие советской детской поэзии, выпустив несколько книжек с задорными антимещанскими стихами для мальчиков и девочек. «Пятеро на одних коньках» – книжка с цветными картинками – стала любимым детским чтением 1927 года.

После завершения гражданской войны и образования СССР стране понадобилась своя, оригинальная массовая культура: песни, книги, кинофильмы, плакаты. Овалов работал в рапповском журнале «Рост», затем в «Комсомольской правде». В тридцатые годы он был именно тем молодым специалистом, в котором нуждалась тогдашняя новая литература. Лев Сергеевич получил традиционное благословение патриарха – Максима Горького – и вошёл в Союз писателей со дня его основания... Влиятельнейшие литературные журналы довоенного времени «На литературном посту» и «Литература и искусство» благосклонно отозвались на дебют прозаика – повесть «Болтовня». Сразу несколько критиков (в их числе – молодой Александр Бек) приветствовали нового пролетарского писателя и его героя, рабочего Морозова. Овалова называли молодым писателем-пролетарием, и в этом определении была доля лукавства. Лев Сергеевич происходил из небогатой, но родовитой семьи. Уже под старость, в девяностые годы, он сообщал интервьюерам, сколько его родни – Шаповаловы, Тверетины, Кожевниковы – упомянуто в словаре Брокгауза и Эфрона. По отцовской линии прямым предком Льва Сергеевича был профессор С. И. Баршев, один из столпов Московского университета времён толстовского классицизма. Профессор побывал и деканом юридического факультета, и ректором университета. Влиятельный, увенчанный лаврами господин. По материнской линии родственником писателю приходился знаменитый учёный, отец русской невропатологии, профессор А. Я. Кожевников. И всё-таки в анкетах Лев Сергеевич писал: «Из рабочих». Дело тут не в диктате эпохи: сын сельской учительницы вполне мог честно написать «из служащей интеллигенции», это не возбранялось. Но писатель вправе конструировать собственную биографию. Вместо Льва Сергеевича Шаповалова – Лев Овалов из рабочих. Это не конформизм, скорее – творческий вымысел, маска. Писатель выбрал для себя амплу и соблюдал правила игры.

Отец Овалова – С. В. Шаповалов – погиб на фронте в самом начале Первой мировой, в 1914-м году. Один из главных героев пронинского цикла – Виктор Железнов – тоже потеряет отца на фронте... В 1917-м году семья от московского голода едет в село Успенское Орловской губернии, где юный Лев Шаповалов с максимализмом недавнего гимназиста бросился в революционную круговерть. Революционные аббревиатуры, слова-сокращения, точнее всего определяли тогдашнюю реальность: комбеды, продрозвёрстка...

В середине тридцатых Овалов пишет повесть об Уралмаше и попадает в советско-китайский политический узел, не распутанный и в наше время. Главная героиня повести Зина Дёмина выходит замуж за китайца Чжоу, который работал на нашем заводе. Потом Чжоу возвращается в Китай, чтобы бороться с врагами, а Зина предпочитает остаться на Родине. С прототипами всё было иначе: сын Чан Кайши Цзян Цзинго увёз советскую девушку Фаину Вяхрёву в Китай... Сын генералиссимуса побывал главой китайского правительства, а после триумфа Мао вместе с отцом обосновался на Тайване, где в 1975-м сменил Чан Кайши на посту президента. В СССР его звали Чан Чинго – болельщики международной политики, несомненно, помнят это имя. А первой леди Тайваня была та самая заводская девчонка Зина Дёмина из оваловского романа, точнее, её реальный прототип. Вспоминали ли они своего знакомого по далёким тридцатым, по Свердловску – писателя Овалова?

В конце тридцатых и литераторы, и читатели ощущали потребность в создании детектива на современном советском материале. После провала пропагандистской кампании «ежовых руковиц», когда железный нарком оказался врагом народа, а во главе НКВД встал более мягкий и дипломатичный Берия, нужно было утеплить образ чекиста в прессе и литературе. Овалов стал одним из пионеров жанра и безусловным лидером первого поколения мэтров остросюжетной литературы. В то время он редактировал журнал «Вокруг света». Сначала Овалов обратился к знакомым писателям с просьбой написать что-нибудь «про шпионов», но в шерлокхолмсовском ключе. Однако никто не рискнул прикоснуться к этой новой и скользкой теме. Тогда редактор решился на собственный эксперимент. Именно эксперимент – литературный этикет требовал особых пояснений для первого пронинского рассказа «Синие мечи». Говорилось, что в этом рассказе мы берём на вооружение заморскую форму шпионского детектива, чтобы она служила нашему потребителю, как служат на наших заводах и фабриках импортные станки. Успех этого коротенького рассказа был так велик, что возникла необходимость проследить литературную генеалогию героя – молодого чекиста Ивана Николаевича Пронина. В первую очередь вспоминались выпуски книжных сериалов десятых годов – про Шерлока Холмса и Ника Картера, про пещеру Лехтвейса и русского сыщика Путилина, про Пинкертона и похождения Ирмы Блаватской... Шерлок там был, конечно, не дойловский, а рыночно-лубочный. Корней Чуковский называл его «отвратительным двойником» настоящего Холмса с Бейкер-стрит. В этих брошюрах «с продолжениями» хватало великосветских негодяев, загнипнотизированных красавиц, немногословных боксёров и коварных отравителей. Конечно, герой советского детектива не мог походить на этих монстров буржуазного масскульта. Овалов добавил к картонным фигурам прежних сыщиков человеческой теплоты и героической идейности. Совсем не случайно Лев Овалов присвоил своему герою звание майора. Пронин – профессионал, действующий контрразведчик. Генеральские лавры только помешали бы ему в работе. К тому же и так крупные советские руководители (например, Евлахов из «Голубого ангела») видят в майоре Пронине равного. Как в песне: «Пусть до утра не спят в рабочих кабинетах майоры с генеральской сединой». В послевоенное время Пронину присвоят генеральское звание, но в читательском сознании он навсегда останется «майором Прониным». К тому же Лев Овалов прозорливо произвёл своего героя в генерал-майоры! В том же 1939-м году, одновременно с первыми рассказами майора Пронина, в нескольких театрах СССР была поставлена пьеса Льва Шейнина и братьев Тур «Очная ставка» – про шпионов, чекистов и бдительных москвичей. Для Европы времечко было военное, для Советского Союза – предвоенное. И нет

ничего удивительного в моде на короткие армейские причёски, духовые оркестры и мужественных героев.

Ветер дул в паруса шпионского детектива. И всё-таки каждый успех нового, остро-популярного жанра давался с боем. В журнале «Красная новь» Овалову отказали в публикации «Рассказов о майоре Пронине». Тогда Лев Сергеевич принёс рукопись в «Знамя», к главному редактору Всеволоду Вишневскому. Вишневский предчувствовал шумный успех новой серии рассказов о Пронине, но отзывы рецензентов из НКВД были строги. Тогда классик советской драматургии, автор «Оптимистической трагедии» обратился лично к В. М. Молотову. Железный наркоминдел ознакомился с рукописью и дал свою резолюцию: «Срочно в печать». И знаменские публикации, и отдельное издание рассказов стали бомбами, незабываемыми событиями истории массовой литературы. После публикации «Рассказов майора Пронина» и «Рассказов о майоре Пронине» Лев Овалов приступает к повести «Голубой ангел». Заметим, что в рассказах писатель с лёгкостью и изяществом передал образы рассказчиков. В первом цикле таковым выступил сам майор, во втором – всевидящий автор. Очень тонко, без формальных излишеств, Овалов даёт нам «почувствовать разницу». Этот приём использовал и Конан Дойл, несколько поздних рассказов холмсианы написаны от имени Шерлока. Но Овалов сильнее подчёркивает углы зрения, а в «Голубом ангеле» и вовсе является пред читательские очи собственной персоной. Автобиографизм повести очевиден: Лев Овалов награждает рассказчика-писателя поездкой в Армению, из которой он, помимо нескольких бутылок отменного коньяку, одна из которых предназначается майору Пронину, привёз материалы для книги об этой «древней удивительной стране». В то время на рабочем столе писателя Овалова лежали две рукописи – «Голубой ангел» и «Поездка в Ереван». Книга об Армении вышла в свет в 1940-м году.

На «Рассказы майора Пронина» откликнулся Шкловский: «Советский детектив у нас долго не удавался потому, что люди, которые хотели его создать, шли по пути Конан Дойла. Они копировали занимательность сюжета. Между тем можно идти по линии Вольтера и ещё больше – по линии Пушкина. Надо было внести в произведение моральный элемент... Л. Овалов напечатал повесть «Рассказы майора Пронина». Ему удалось создать образ терпеливого, смелого, изобретательного майора государственной безопасности Ивана Николаевича Пронина... Жанр создаётся у нас на глазах». Кстати, безымянный рецензент из «Огонька» почти дословно повторил некоторые обороты Шкловского – наверное, это носилось в воздухе: «В № 4 «Знамени» Л. Овалов напечатал повесть «Рассказы майора Пронина». Ему удалось создать образ терпеливого, смелого, изобретательного майора государственной безопасности Ивана Николаевича Пронина и его помощника Виктора Железнова. Книга призывает советских людей быть бдительными. Она учит хранить военную тайну, быть всегда начеку». Можно поспорить со Шкловским: на самом деле в прониинских рассказах, а особенно – в повести «Голубой ангел» традиции Конан Дойла были скорее приспособлены к советским реалиям, чем сведены на нет.

Время было бурное – и Овалов не раз занимал и освобождал начальственные кресла в разных московских редакциях. «Вокруг света», «Молодая гвардия»... Удивительный факт: 22 июня 1941 года, несмотря на начало великой войны, в Москве, на Моховой, прошёл творческий вечер Льва Овалова. С вопросами о лишних билетиках к прохожим приставали за несколько кварталов! В первый месяц войны, на волне оглушительного успеха огоньковской публикации «Голубого ангела», Овалов оказывается в роли своих не самых любимых героев: 5 июля 1941 года его арестовывают. Причины ареста туманны; сам писатель вспоминал, что его обвиняли в «разглашении методов работы советской контрразведки» на материале повести «Голубой ангел». Так объяснял Лев Овалов – а писатель имеет право на легенду. Лотман сказал о Карамзине: «Право на летопись получает летописец». Вот и наш писатель стал героем жизненного детектива. Дело сложилось так, что после посадки отношения с первой семьёй были прерваны

навсегда – зато в ссылке он встретил верную подругу, с которой ему предстояло прожить ещё полвека в окружении детей и внуков. В лагерях и в ссылке пригодились навыки первой профессии писателя: он снова занялся медициной. В 1956 году он вернулся в Москву с замыслом романа о военных подвигах майора Пронина. До сих пор писатели судачат о том, как, вернувшись из ссылки, Овалов в ресторане ЦДЛ услышал фрондёрский разговор молодых литераторов и обратился к ним: «Я лучше бы ещё 5 лет отрубил в лагерях, чем 5 минут слушать вашу антисоветчину!..». Писателя реабилитировали и восстановили в партии с сохранением стажа. Из ссылки он вернулся вместе с новой женой – Валентиной Николаевной. Молодую медичку даже грозились исключить из комсомола за связь со ссылкой, но она прямо отвечала гонителям: «Он больший коммунист, чем вы». Так и прошли они вместе и годы испытаний, и годы славы. Их гостеприимный дом на Ломоносовском проспекте был полон детей – и литературная работа спорилась. Пробивать свои книжки он ходил не к хвосту, а к голове. Голову в те годы звали Михаилом Андреевичем Суловым. И у Сулова старый большевик, выражаясь языком того времени, находил понимание. Страна зачитывалась «Огоньками» с «Медной пуговицей» (вероятно, Пронин задумал эту остросюжетную книгу в ссылке), а автор шпионского боевика уже служил в журнале «Москва» заместителем главного редактора Поповкина. «Медная пуговица» не приглянулась Хрущёву: богато иллюстрированные приключения капитана Макарова и майора Пронина в оккупированной Риге показались ему слишком легкомысленными. Отдельного издания романа Овалов дождался много лет, написав за это время ещё два шпионских опуса – «Букет алых роз» и «Секретное оружие» («Майор Пронин и похищение профессора»). Чем же приглянулся советскому читателю майор Пронин, почему именно его имя из десятков книжных чекистов запало в народную память? Майор Пронин покоряет обстоятельным мужским характером. Он настойчив, спокоен, хладнокровен, слегка ироничен. Умеет учиться и анализировать собственные ошибки. Артистичен, как Холмс, но, в отличие от частного сыщика с Бейкер-стрит, гордится принадлежностью к государству, лелеет честь офицера. Он – мастеровой из крестьян, выучившийся народный интеллигент. Таких особенно ценят в нашей стране: успех достался им по праву мозолей. Обратная сторона славы майора Пронина – ехидные анекдоты, герой которых ничего общего не имеет с героем Овалова. Такого противоречивого, но мощного признания в XX веке удостоились действительно замечательные герои – Холмс, Чапаев, Штирлиц...

Между тем, в 1959-м году Овалов, не побоявшись упреков в «абстрактном гуманизме», публикует в «Москве» «Маленького принца» Экзюпери. Впервые по-русски, в переводе Н. Галь... После «Москвы» Овалов недолгое время работал в АПН; распространяться об этом он не любил. Вскоре со службой было покончено – и глава большой семьи стал свободным художником. Из его детей и внуков уже можно было составить если не футбольную, то баскетбольную команду.

Мы знаем Пронина по следующим произведениям Овалова: «Рассказы майора Пронина» («Синие мечи», «Зимние каникулы», «Сказка о трусливом чёрте»), «Рассказы о майоре Пронине» («Куры Дуси Царёвой», «Agave mexicana», «Стакан воды»), повесть «Голубой ангел». Также Пронин действует в романах «Медная пуговица» и «Секретное оружие» и подразумевается в повести «Букет алых роз». «Что ж, немного. Но в умелых руках...» – так говорил Пронин, извлекая из карманов матёрого шпиона Роджерса всего лишь два пистолета. Овалов признавался, что мог бы щёлкать детективные рассказы и повести о майоре Пронине как орешки, но критика того времени в штыки воспринимала коммерческий дух «сериальности». Только старый ценитель Пинкертон и Ника Картера Валентин Катаев понимал, что хороший детектив с популярным героем стоит публикации в журнале «Юность».

Как известно, Лев Сергеевич (как и сэр Артур) снисходительно относился к своим детективам, не считал их «отчётными» в собственной литературной биографии. Но к «Голубому ангелу» писатель подошёл с должным уважением, подарив повести не только хитроумную

интригу, но и лирическую выразительность. Чего стоит оваловское стихотворение «Голубой ангел», которое Виктор Железнов выдаёт за свой перевод известной шансонетки. Мистика, печаль, блоковская символика:

Мы ничего не знаем, не видим божьих сетей,
Не знаем, что это ангел уносит лучших людей,
И вечером одинокие беспечно ложимся спать,
И в пропасти сна глубокие падаем опять...
Так не спите ночью и помните,
что среди ночной тишины
Плавает в нашей комнате свет голубой луны.

Воистину, прав был майор Пронин – разведчик в этом мире обязан уметь многое: «Разве ты не знаешь моей теории о том, что чекист должен быть и жнец, и швец, и на дуде игрец?». Вот так-то.

Впервые весь шпионский канон Льва Овалова мы собрали в «единый могучий» двухтомник. Интерес к героическим советским временам не ослабевает: без той закваски мы просто не сумеем выжить. И майор Пронин еще послужит Родине. Он – нашенький герой, Иван Николаевич Пронин. Незаменимый. Хотя и один из многих.

Самое известное прижизненное издание «Приключений майора Пронина»

Детективный цикл Льва Овалова начался с «Рассказов майора Пронина» (1939 г.). Первый рассказ – «Синие мечи» – он опубликовал в журнале «Вокруг света». В то время Овалов редактировал этот почтенный журнал. Публикация проходила непросто. Шли споры – нужен ли нам советский Шерлок Холмс, нужен ли чекистский детективный рассказ? Но, как говорится, успех превзошёл ожидания. И цикл был продолжен на страницах журнала «Знамя». Тогдашний редактор журнала Всеволод Вишневский даже ко всеильному Молотову обращался за поддержкой прежде, настолько дерзновенной казалась «чекистская» публикация.

В первом цикле из трёх рассказов майор Пронин выступает в роли рассказчика. Он вспоминает молодые годы, когда будущий ас контрразведки только учился премудростям чекистской науки. Это – «Синие мечи», «Зимние каникулы», «Сказка о трусливом чёрте».

Второй цикл хронологически продолжает рассказы Пронина, только теперь автор повествует о нём, глядя на майора со стороны. Вышло еще три рассказа – «Куры Дуси Царёвой», «Agave mexicana», «Стакан воды». «Рассказы о майоре Пронине» (1940). Во всех рассказах – атмосфера того времени, подъемного и тревожного. Написаны они искренне и не без изящества. В каждом рассказе можно разглядеть и политический подтекст.

У шести рассказов есть сквозной сюжет – и это не только превращение Пронина в проницательного контрразведчика, не только воспитание молодого чекиста Виктора Железнова... Дело в том, что нашим героям противостоит изобретательный враг, один из лучших шпионов того времени, британец по фамилии Роджерс. Он долго оставался неуловимым, ускользал от чекистов... Но Пронин терпеливо продолжал борьбу. В финале последнего рассказа Роджерс всё-таки попадает в ловушку, расставленную Прониним.

Лев Овалов сознавал, что в детективе необходимо создание особой, современно-романтической атмосферы, чтобы у читателя захватывало дух от опасной и шикарной работы контрразведчика. Шикарной – потому что Пронину и его коллегам приходилось иметь дело с «элементами сладкой жизни» – коварными иностранцами, театральными администраторами, гостиничными портье... Что это – уступка массовому вкусу, требующему зрелищ в стиле «красивой жизни»? Думается, писатель осознанно формировал каноны легкого жанра, в котором назидательность ненавязчиво сочеталась с детективными красотами вроде отличного армянского коньяка, который пьется неторопливыми, маленькими глотками. А еще в «Голубом ангеле» пьют кахетинское (в те времена – почти монопольное винное название – кахетинское и номер). Достойные напитки, которыми гордится страна... Очень уютную, просто образцовую обстановку мы, вместе с читателями 1941 года, находим в квартире холостого майора Пронина. Редкие вещицы напоминают о прежних делах, о подвигах, которые поразили бы любого из нас, но скромный майор скуп на воспоминания... Зато автор-рассказчик, оказавшись в квартире майора, жадно смотрит на эти вещицы, наматывая на ус и запоминая. Подобно Конан Дойлу, Овалов щедро рассыпает по пронинским страницам свидетельства о громких делах, которые, к сожалению, так и не были описаны... Это интригует читателя, заставляет фантазировать в ожидании новых рассказов и повестей о героическом майоре.

Кстати – почему холостяк? Неужели майору Пронину просто не повезло с женщинами или времени не было узаконить свои отношения с мимолетными возлюбленными? В тридцатые годы в СССР возрождался культ семьи – и вольные стрелки не выглядели респектабельно. Неужели Пронин так и остался партизаном революционной свободной любви? Это не похоже на Ивана Николаевича крестьянский сын, он был человеком прочных убеждений, опорой империи, своего рода «орлом Британии» в советском варианте. Одиночество Пронина никак не связано с этикой сексуальной свободы. Здесь другая история – и аналогию нужно искать в судьбах знаменитых литературных сыщиков. Первый из них – герой Эдгара По, одинокий философ Дюпен, положивший начало традиции. Лондонский детектив Шерлок Холмс, о котором мы знаем куда больше, чем о Дюпене, вообще сторонится женщин, не помышляя о браке. Холостяком остается и кокетливый сибарит Эркюль Пуаро, хотя женского общества этот бельгиец не сторонился. Исключением стал комиссар Мегрэ (кстати, по социальному происхождению он ближе других к нашему Пронину) – образцовый семьянин-однолюб. Преданная мадам Мегрэ, окутавшая мужа гастрономической и вообще хозяйственной заботой, становится значимой героиней сименоновского цикла. Но, несмотря на атмосферу патриархальной семьи, созданную Сименоном, в личной жизни комиссара есть один важный пробел. У четы Мегрэ нет детей. Это мучает и комиссара, и его супругу, но автору ясно, что великий сыщик должен излучать светличной трагедии... Супермен, счастливый в браке и отцовстве, – это уже

перебор. Это понимал Сименон, понимал и Овалов. Великий сыщик – человек незаурядный, чужак, непохожий на других людей. Он экстравагантен, даже если всем своим видом несет идею народного консерватизма, как Пронин и Мегрэ, чуждые всякого декадентства. Майор Пронин взял на себя миссию заступника простых людей, их спокойствия. Он защищает мирный труд соотечественников, строителей социализма, от шпионского посягательства. Роль благородная, но это роль отверженного, одинокого человека. Пронин пьет до дна свою чашу – и в его уютном гнезде нет места для любимой женщины. Нет у майора и детей. Сына ему заменил Виктор Железнов – воспитанник и ученик. Еще одна причина пронинского одиночества – это благородство майора. Он осознавал всю опасность службы контрразведчика. В такой ситуации жена в любой момент может оказаться вдовой, а дети – сиротами. Скажем, в годы войны Пронин был заброшен на оккупированную территорию – в Ригу, где ему пришлось служить в гестапо, продолжая свою тайную войну. Миссия народного заступника требует самоотречения. Вот Пронину и пришлось довольствоваться редкими дружескими посиделками за рюмкой коньяку – да и то в дни болезни, «на бюллетене»... Все эти выводы следуют из атмосферы «Голубого ангела» – повесть ведь не только про наших разведчиков и вражеских шпионов, она – о судьбе майора Пронина.

Домработница не была редкостью в квартирах совслужащих – даже в коммуналках. Наличие Агаши в судьбе одинокою контрразведчика вряд ли удивляло читателя. В те времена даже у руководителей среднего звена, у инженеров, был ненормированный рабочий день, чреватый ночными вызовами к начальству. Трудились с перенапряжением. Чтобы выжить в таком режиме, необходим домашний помощник «без претензий». Выходцы из бедных деревень, новички в большом городе, соглашались на любую домашнюю работу за пустячное жалованье. Они становились членами семей, спали в специальных закутках, обедали вместе с хозяевами. Хозяева не должны были вести себя чванливо с домашней обслугой. Нэпманские замашки были не в чести: «У нас каждый труд почетен». У майора Пронина, конечно, служила домоправительница, многократно проверенная компетентными людьми. Хлопотунье Агаше можно было доверять.

Овалов удачно сервировал один из наиболее выигрышных сюжетов: маэстро болен и потому не может принять участие в расследовании, не поддаваясь ни на какие уговоры. Больным мы встречаем Пронина уже в прологе и эпилоге – при общении с Оваловым. Там Железнов начинает рассказывать Овалову о тайне патефона «His Masters Voice» – и выясняется, что болезнь не отпускала майора Пронина на протяжении всего расследования. «Пневмония катархалис», как торжественно выражаются врачи... Но для великих сыщиков пневмония, как и любое иное недомогание – это только тренировка артистизма. Таков был отшельник с Бейкер-стрит в рассказе «Шерлок Холмс при смерти», таков и майор Пронин в своей московской отдельной квартире на Кузнецком.

В рассказах, которые автор вел и от своего имени, и от имени самого майора Пронина, характер героя раскрывался беглыми мазками – в выверенных действиях и лаконичных репликах. Жанр повести позволил Льву Овалову побольше рассказать о своем любимом герое. И это несмотря на то, что, как и Холмс в «Собаке Баскервилей», значительную часть расследования Пронин перепоручает Виктору Железнову. Железное вырос в заметного чекиста, но ему не хватает «холодной головы». Вообще Железнов-офицер уступает себе-мальчишке из рассказов о майоре Пронине. Он миновал период «юношеской гениальности», когда – начиная со «Стакана воды» – Железное при Пронине превращается в Гастингса при Пуаро. Своей наивностью он оттеняет гений майора контрразведки. А ведь в первых рассказах совсем еще отрок Железное всякий раз выручал Пронина, был прозорлив и точен в прогнозах. И это несмотря на то, что, как и положено чекисту, Железное неустанно расширяет свой кругозор, изучает иностранные языки, пишет стихи и, наверное, по совету Пронина, «решает логарифмы». Добавим,

что в «Медной пуговице», наконец, сполна проявятся лучшие качества Виктора Железнова – отважного разведчика в тылу врага.

Легкий жанр с трудом прививался на российской почве. Слово-то какое-то нерусское – «детектив». Наши слова – «сыщик», «разведчик», «следователь»... Уже после Победы было найдено спасительное словосочетание – «военные приключения». Такой жанр позволял сочетать документальность и вымысел, элементы фантастики и классического детектива. А главное – сочетать назидательность в патриотическом духе с острым, занимательным сюжетом. Пожалуй, идеологизация мирового детектива началась именно с советской приключенческой литературы. Это сейчас трудно представить себе американский боевик без идеи торжества гуманного, цивилизованного и политкорректного общества. Шерлок Холмс, оставаясь верным подданным ее величества королевы Виктории, все-таки был вне политики, вне идеологических баталий. Этого уже не скажешь о Джеймсе Бонде, о Рембо, и тем более об американских героях девяностых и следующих годов. Кажется, над советской Атлантидой сомкнулись воды холодной войны – но многие эстетические и идейные начала, открытые Октябрем, и поныне оказывают воздействие на мировую историю. Это и лозунги борьбы за мир, и идеи интернационализма, и половое равноправие, и даже антиклерикальные идеи. Пресловутая доктрина политкорректности вообще, при полном освещении, может показаться аппликацией из речей Михаила Андреевича Суслова.

Советский детектив, вплоть до шестидесятых годов – исключительно шпионский. Вражеская рука стоит за каждым преступлением – от неприятностей с колхозными курами до любого автомобильного происшествия. Даже любимые советские милицейские детективы хрущевских времен – «Дело № 306» и «Дело пестрых» – через головы уголовников приводят нас к самым опасным супостатам, шпионам. Характерный финал такой истории – специалисты с Петровки выполняют свою работу, и дело передается «для специального расследования» в КГБ СССР. Майору Пронину вообще не доводилось сталкиваться с уголовным миром. А ведь майор мог бы использовать сознательность наших социально близких уголовников, непримиримых к шпионажу: «Советская малина собралась на совет, советская малина врагу сказала «нет»». В предвоенные годы настоящие герои обязаны были ловить шпионов, на переднем краю классово-идеологической борьбы, борьбы систем. И позже всенародными героями, породившими свою мифологию, станут разведчики Великой Отечественной, представленные писателями и кинематографистами. Место прозорливого майора Пронина займет штандартенфюрер фон Штирлиц, чемпион Берлина по теннису. В семидесятые годы, когда во всем мире массовая культура перехватила командные высоты, в СССР было немало претендентов на место майора Пронина. В те годы седовласые, да и молодые, эстеты были недовольны победительным маршем популярного, коммерческого искусства. Тогдашнее телевидение – вполне монастырское по нынешним временам – казалось рассадником низкого вкуса. В пестрой телевизионной элите смешались новые любимцы публики – академики, хоккеисты, актеры, передовики производств. В каждом из новых национальных героев было что-то от майора Пронина. Или Пронин – один из немногих в русской литературе литературных героев, изначально задуманный в традициях массовой культуры – был скроен по универсальной мерке?

Самыми известными следователями последних двух десятилетий Советского Союза были, пожалуй, лавровские ЗнаТоКи. Они ловили жуликов, бандитов и зарвавшихся начальников, а на уровень большой политики вышли только один раз – в деле, которое у Лавровых называется «Расскажи, расскажи, бродяга», а в телесериале – «Ваше подлинное имя». Несгибаемый майор Знаменский был по-пронински бдителен и въедлив, смотрел на мир пронизательными, немного усталыми глазами – и шпион-белоэмигрант, притворявшийся русским бродягой, не ушел от «дополнительного расследования», которое за пределами повести вел уже офицер КГБ, ученик майора Пронина. Интерес к шпионскому детективу возродился всякий раз, когда общество начинало интересоваться международным положением, полити-

ческой конкуренцией разных стран и систем. На экраны и книжные прилавки возвращались резиденты, герои Юлиана Семенова вели идеологические споры в декорациях холодной войны. Взаимные упрёки выглядели аргументировано. Каждый ходил с козырей, раскрывая изнанку противника... Они нам – диссидентов и Прагу-68, мы им – Хиросиму, фултонскую речь Черчилля, Вьетнам. Они нам – Восточную Европу, мы им – Латинскую Америку... Они нам Пол Пота и Енг Сари, мы им – Пиночета и Чомбе. Они нас – Солженицыным, мы их – Олдриджем...

Майор Пронин еще до войны был искушен в политических дискуссиях. Он предупреждал: «Бывшие герои делаются все изворотливее и озлобленнее. История вытаскивает со сцены, а уходит не хочется. С каждым годом борьба с политическими преступниками становится все сложнее и резче. Об этом надо писать и развивать в людях осторожность и предусмотрительность». Бывшие герои – это, конечно, агенты разведок капиталистических стран. Их время проходит, победа социализма неизбежна – уверенность в этой истине вдохновляла Пронина на подвиги. Человек смертен, в загробную жизнь большевик Пронин не верил, а подвиг дает человеку шанс на бессмертие. Майор Пронин воспринимал себя человеком героического поколения борцов за светлое будущее. Когда это будущее наступит – потомки вспомнят нас добрым словом, это и будет нашим бессмертием... Без понимания героической роли проницкого поколения в советской мифологии невозможно проникнуться романтикой оваловских военных приключений. Если даже потускнеет и истреплется на архивных полках идеология, которая движет майором Прониным, то энергия и талант, с которым действовал майор ГПУ, будет по-прежнему впечатлять читателей.

В «Кратком курсе истории ВКП(б)» (1945 г.) есть яркий пассаж, показывающий роль контрразведки в тогдашнем массовом сознании: «Эти белогвардейские пигмеи, силу которых можно было бы приравнять всего лишь силе ничтожной козявки, видимо, считали себя – для потехи – хозяевами страны и воображали, что они и в самом деле могут раздавать и продавать на сторону Украину, Белоруссию, Приморье.

Эти белогвардейские козявки забыли, что хозяином Советской страны является Советский народ, а господа рыковы, бухарины, зиновьевы, каменевы являются всего лишь – временно состоящими на службе у государства, которое в любую минуту может выкинуть их из своих канцелярий, как ненужный хлам.

Эти ничтожные лакеи фашистов забыли, что стоит советскому народу шевельнуть пальцем, чтобы от них не осталось и следа.

Советский суд приговорил бухаринско-троцкистских извергов к расстрелу.

НКВД привел приговор к исполнению.

Советский народ одобрил разгром бухаринско-троцкистской банды и перешел к очередным делам».

Стилистически – очень яркий отрывок. В нем выразилась вся соль пропагандистского стиля, который проходил первую пробу в тридцатые годы, а с развитием информационных технологий только укрепился, стал политической классикой с отточенными приемами.

Нужно заметить, что рассказы и повести о Пронине не были перенасыщены политической пропагандой. Там всё тоньше. Пропаганда не была прямым содержанием Пронина, но оставалась общим воздухом читателей и героев Овалова. Овалов писал занимательные рассказы и даже извинялся в предисловии за отсутствие весомой поучительности в рассказах о майоре-чекисте. Если бы прямая идеологическая составляющая в рассказах о Пронине преобладала – громкого читательского успеха бы не получилось. Овалов удовлетворял потребность в занимательном чтении, в детективе. Но официальный стиль во всей его своеобразной красе оставался неременным сведением майора Пронина и Льва Овалова.

В «Голубом ангеле» мы находим отголоски и массовой культуры того времени. Неофициальных героев не следует противопоставлять политическому официозу. Просто Утесов, Дунаевский, Георгий Виноградов работали на другом поле, не в кремлевских дворцах, а в зеленых

театрах и садах «Эрмитаж» – и работали неподражаемо. Тайна утесовского успеха начинается с псевдонима, выбранного исключительно удачно. Конечно, «Лейзер Вайсбейн» звучало не так притягательно, и дело тут не в пресловутом национальном вопросе (своих корней Утесов никогда не скрывал, синтезируя в джазовом ключе еврейские, украинские и русские мелодии). Просто «Леонид Утесов» – это марка, словосочетание, обозначающее артиста. С таким именем тебя могут освистать, могут забросать яблоками, а могут – цветами, но в любом случае твоей судьбой будет сцена, эстрада. В тридцатые годы на советской эстраде и в массовом кинематографе было немало талантов, но Утесов остается звездой первой величины. Это вершина отечественной массовой песни, как бы она ни называлась (эстрадой, роком, шоу-бизнесом и т. п.).

В тридцатые годы, когда Пронин в своем зеленом пальто гонялся по Москве в поисках пропавших чертежей инженера Зайцева, Утесов устраивал знаменитые представления своего «Теа-джаза». Нехитрая, но бросакая режиссура номеров, репризы – словесные и музыкальные, пленявшие песенными новинками программы. В качестве авторов с Утесовым работал Н. Эрлман, да и сам Леонид Осипович был неистощим на выдумки. «Теа-джаз» откликнулся и на злобу дня, на события мировой политики. К пронинской теме подходят две предвоенные песни «Теплоход «Комсомол»» и «Акула» (переделка американской «My Wony», почему-то подписанная Дунаевским). А атмосферу эпохи определили яркие, проникнутые характерным босяцким духом, сочившиеся музыкальной выдумкой программы утесовского «Теа-джаза»: «Джаз на повороте», «Музыкальный магазин» и «Много шума из тишины». Потом была война – и новый взлет песенного искусства артиста, но нас интересует довоенное время, время, когда майор Пронин разоблачил майора Роджерса.

Образ Утесова был многоликим: в нем ощущался «духарный колорит» блатного героя, лихого одессита. Образ, важный для нашей культуры XX века. Этот герой поет «Лимончики», «Гоп со смыком» и «С одесского кичмана», переделывает «Мурку», озорно выводит: «Лопни, но держи фасон!» Между Утесовым и записными исполнителями блатного фольклора лежит пропасть: Леонид Осипович, подобно актеру Михаилу Жарову, формировал из этого сырья художественную реальность, преобразовывая свои жизненные наблюдения. Он всегда умел с некоторым лукавством посмотреть на своих героев, которые «из тюрьмы не вылазят» и решают схорониться «в Вопняровской малине». Это перенял у Утесова Высоцкий и, увы, упустили иные наши интерпретаторы блатного фольклора.

С другой стороны, герой Утесова – джентльмен, душевный собеседник, мужественный простой человек, сугубо доверительно сообщающий: «Видишь, я прошел все испытанья // На пути свидания с тобой...». Этот образ напоминал и противников Пронина, и самого майора...

Пронинский цикл – это развлекательная литература постреволюционного периода, периода чисток, периода подготовки к войне. В то же время это литература периода относительной стабильности, успокоения. Нередко забывают, что тридцатые годы по сравнению с предыдущим десятилетием казались годами успокоения. А ведь в памяти современников была Гражданская война, да и нэп озлобил многих пиром во время чумы. Другое дело – тридцатые. На площадях, где в Гражданскую проводились публичные казни, теперь в ходу кинематограф и футбол. В 1936 году впервые было проведено командное первенство СССР по футболу. В те годы разыграли два комплекта медалей: весенние и осенние. Победителями стали соответственно московские «Динамо» и «Спартак». Призерами оказались динамовцы из Киева и Тбилиси, а также армейская команда ЦДКА. Футболисты стали новыми спортивными кумирами страны, как когда-то, до революции, ими были цирковые силачи и борцы: Крылов, Поддубный, русский лев Георг Гаккеншмидт. Теперь говорили о братьях Старостиных, о ветеране футбола Малинине, о Бутусове, Семичастном и Акимове. Из записей Ю. К. Олеси мы узнаем, как в конце тридцатых признавала Москва нового футбольного гения – Григория Федотова... У горожан появился большой футбол; водка, как и пиво, уже продавалась свободно (впрочем, майор Пронин предпочитал армянский коньяк). Многие города славились своим моро-

женным и газировкой с сиропами. В кино (оно стало звуковым, и следовательно – подлинно самым массовым искусством, да еще, по Ленину, «из всех искусств для нас важнейшим») особенно актуальными для массового сознания были ленты «Чапаев», первый советский звуковой фильм «Путёвка в жизнь» и музыкальные комедии режиссеров-соперников Г. Александрова и И. Пырьева. Каждый горожанин (в особенности – подростки и молодежь) имел обыкновение смотреть полюбившуюся картину от десяти до сорока раз. Идеалом эпического героя стал Чапаев, символом аккуратности и добропорядочности Фурманов, оптимизма и веселья – Костя Потехин, трудового успеха – героини Ладыниной. Весьма актуальный идеал блатного супермена олицетворял (деля этот трон с Утесовым) Михаил Жаров, колоритно исполнивший роль Жигана и спевший «Щи горячие, да с кипяточечком!...». Варились в кинематографе той поры и обаятельные «свои парни», и чудаковатые благородные интеллигенты с бородками клинышком, и (с конца тридцатых) национальные герои из славного прошлого. Это было талантливое и очень демократичное искусство. И майора Пронина нельзя вырвать из культурного контекста его времени. И он, и они пребывали на острие популярности.

Подобно Сименону, Овалов стремится дать социальное обоснование преступления. Вот фотограф Основский – один из наймитов иностранной разведки. Задается вопрос: почему фотограф Основский стал врагом советской власти? Оказывается, все дело в классовом инстинкте: он «был сыном владельца модной в прошлом московской фотографии. Этот при некотором желании мог считать себя обиженным. Правда, занимался он все тем же ремеслом и зарабатывал много денег, но неудовлетворенные чувства хозяйчика способны были тревожить его воображение. Власть над двумя ретушерами могла ему представляться настоящей властью, а возможность распоряжаться собственной кассой – истинным богатством». Звучит убедительно и исторически достоверно.

Говоря о «Голубом ангеле», необходимо сделать экскурс и в историю зарубежного кино. Собственно говоря, название Овалову подарил один из самых одиозных и растленных кинофильмов гибнущей Европы, снятый в 30 годы, на закате Веймарской Германии. Мария Магдалена фон Лош – она же Марлен Дитрих яркая женщина-вамп тридцатых – сыграла в этом самом «Голубом ангеле» так, что всю жизнь потом получала оброк с этого успеха. «Циничная, развращенная певичка Лола» (так аттестует ее наш кинословарь) легко вписывается в атмосферу шпионской повести. Марлен сама исполняла модные песенки – они издавались на патефонных пластинках. Редкие записи Дитрих можно было встретить в элитных московских и ленинградских квартирах. В то время всю популярную музыку называли джазом. «The Blue Angel» Овалов со знанием дела называет блюзом, упоминает и другие музыкальные названия – джазы Эллингтона, Нобля, Гарри Роя, песенки Шевалье, Люсьенн Буайе, «Chanson du printemps», «The Golden Butterfly», «Mood Indigo», «Top amour»... Это логично: популярная литература использует успех популярной музыки.

В «Голубом ангеле» противники Пронина были хитры как никогда. Их изобретательность поставила в тупик Виктора Железнова, и, если бы не Пронин, резидент ускользнул бы от нашей контрразведки. Этот факт подтверждает исключительность майора Пронина, его гениальность. Сюжет громко перекликается с «Собакой Баскервилей». Как и у Конан Дойла, у Овалова великий сыщик лукаво перепоручает дело помощнику, но втайне продолжает самостоятельное расследование, время от времени путая карты своему незадачливому коллеге. Как и «Собака...», «Голубой ангел» – повесть, а не рассказ, и в ней мы видим целую галерею действующих лиц, совслужащих предвоенного времени (у Конан Дойла эту роль исполняют соседи Баскервилей, обитающие возле Гримпенской трясины).

В то же время Овалов обогащает традицию свежим приемом: на первых же страницах повествования Пронин раскрывает тайну герою-рассказчику. Но читателю они этой тайны не раскрывают, а рассказчик не понял секрета, поскольку он не чекист и, следовательно, не говорит по-английски. «Собака Баскервилей» начинается с чтения старинного манускрипта. У Ова-

лова герои прослушивают патефонную пластинку «Голубой ангел», в этой записи и кроется секрет – шеф зарубежной разведки на своем родном английском дает указание резиденту во всем следовать указаниям хозяина пластинки. Да, сам Овалов поначалу не понял этого – и честно попросил Пронина рассказать ему всю историю от начала и до конца. Майор был болен, знакомый писатель пришел к нему в гости с бутылкой любимого армянского коньяка – можно ли было оставить его без истории? Впрочем, миссию рассказчика Пронин перепоручил Железнову, предварив повествование морально-нравственной доминантой: «С каждым годом борьба с политическими преступниками становится все сложнее и резче. Об этом надо писать и развивать в людях осторожность и предусмотрительность».

Виктор постоянно докладывает о ходе дела больному Пронину, перемежая деловой разговор цитатами из Блока и выслушиванием обычных пронинских нотаций на тему «Каким должен быть настоящий чекист». Пронин окорачивает подозрительность Железнова, заставляя верить в честность инженера Зайцева и его покойною друга Сливинского. Пока Железнов носился по городу, Пронин делал вид, что перечитывает статьи Энгельса о войне, а сам... ведет тайное расследование.

Любо-дорого смотреть, с какой ловкостью Овалов преподносит в повести деликатный «еврейский вопрос». Знаменательно, что в повести, которая вынашивалась в предвоенные месяцы, нет упоминания фашистской Германии, а шпионы, несомненно, представляют англо-американскую разведку. Для Овалова важно лишь то, что они – враги советского государства, а нам следует быть бдительными и готовиться к войне. Реалий Второй мировой в повести нет. Писатель осторожничают, не желая давать оценок быстро меняющемуся международному положению. В конце концов, перед нами – шпионская сказка, и документализм только повредил бы майору Пронину. Майор делает смутные намеки на ужесточение классовой борьбы, молчит о гитлеризме, уже опутавшем пол-Европы. Таковы правила игры, заданные Оваловым. Белоснежная чистота жанра. На этом фоне бросается в глаза, что один из главных (а в какой-то момент читателю кажется, что и вовсе главный!) злодеев повести – шпион Леви, притворяющийся советским мужским парикмахером Захаровым, оказывается выходцем из зажиточной еврейской семьи. Бедные родственники жили в Советском Союзе, а богатый отец дал Леви европейское образование, необходимое для первоклассного шпиона. Он овладевает документами «бедного родственника» и приезжает в Москву, где берет фамилию своей новой жены – Захаров. Виктор Железное даже не удерживается от глубокомысленного комментария: «Остановило было на себе внимание Виктора то обстоятельство, что при женитьбе Левин взял себе фамилию жены, но и в этом не было ничего предосудительного: мало ли местечковых молодых людей переменили за эти годы свои фамилии». Заслуживает внимания и гуманность Ивана Николаевича Пронина: разоблачив Захарова, он спешит убедиться в невинности его жены – той самой, у которой шпион позаимствовал фамилию. Пронин даже посетовал, что его молодой товарищ не всегда так внимателен к нюансам соблюдения социалистической законности... Дай волю Железнову – он бы пересажал всех подозреваемых. Потому и не дремлет майор Пронин, чтобы работа контрразведчиков была эффективной и ненавязчивой.

В «Голубом ангеле» майор Пронин достиг Эвереста своего остроумия. Реплики хворого контрразведчика полны скрытой иронии. Своих собеседников чекиста Железнова, изобретателя Зайцева, крупного начальника Евлахова, да и разлюбленную Агашу, – он водит как козлов на веревке по маршрутам своей логики. Водит – и нередко насмешливо выдает им секреты расследования, понимая, что эти симпатичные тугодумы лишены аналитического полета. Овалов наделяет Пронина тонким чувством юмора: эта примета возвышает майора над коллегами, указывает на уникальность его профессиональных и человеческих качеств.

Интересно место действия, выбранное Оваловым: фоном для шпионской истории стали модные, престижные уголки предвоенной Москвы. Современная, огромная гостиница, в которой угадывается построенная напротив Кремля по проекту академика Щусева гостиница

«Москва»; засекреченный институт, разрабатывающий новые технологии; кукольный театр, в который стремятся все гости столицы, в том числе – иностранные.

Нетрудно догадаться, какой театр имеет в виду Лев Овалов. Творение Сергея Владимировича Образцова было и остается уникальным в многовековой истории зрелищ. Куклы Образцова были способны на многое: великий кукольник сделал для своего искусства не меньше, чем К. С. Станиславский. Чистая правда, что зарубежные гости стремились в дом на площади Маяковского, чтобы увидеть кукольного Емелю, Аладдина, Кота в сапогах. Шпион Захаров-Леви привел соседскую девчонку именно на «Кота...» (хотя на самом деле – на шпионскую встречу!). С. В. Образцов оставил воспоминания о другом инциденте, случившемся на спектакле «Кот в сапогах»: «В этом спектакле есть великан-людоед, которого смелостью да хитростью Кот побеждает. Так вот этого великана играет человек в маске. Рядом с маленьким Котом он кажется невероятно огромным и страшным. Но он очень смешной и глупый, и зрители наши, которым шесть-восемь лет, встречают его изумленным «ай», но вовсе не испугом. И какая-то мама, не знаю, каким образом избежав бдительности контролерши, пришла на спектакль с трехлетней дочкой и села в четвертом ряду в самой середине партера. Не знаю, что понимала дочка в самом начале спектакля, но когда над ширмой появился великан и схватил своей огромной лапой маленького Кота, девочка закричала на весь зал: «Мама, выключи!» Выключить мама не могла, схватила свою навзрыд плачущую дочку и, пробравшись сквозь весь ряд, выбежала из зала. И в фойе, и в раздевалке девочка продолжала рыдать».

Еще одна картинка предвоенного времени – славные московские парикмахерские, которые были своеобразными мужскими клубами. Там брились и стриглись, там обсуждали новости. Мастер Захаров-Леви был в курсе всех сплетен района, знал слабости своих клиентов – кто ходок, кто скряга, кто строит из себя денди... Обеспеченный гражданин, не имеющий свободного времени, мог вызвать мастера на дом; хороший мужской парикмахер, как, например, шпион Захаров, был нарасхват. Город «Голубого ангела» напоминает о знаменитом цикле художника Ю. И. Пименова «Новая Москва» (1937 г.). Мы по затылку помним ту счастливую девушку, которая за рулем кабриолета выезжала на проспект Маркса.

Сейчас лучшая повесть Льва Овалова воспринимается как изысканный ретро-детектив, сохранивший обаяние эпохи, доносящий отзвуки тех людей, о которых можно сказать словами Метерлинка: «Когда мы вспоминаем о них – они оживают». После нескольких лет тщетных попыток уничтожить советский менталитет забвеньем и проклятьями стало ясно, насколько коренным явлением была красная Россия. Интеллектуальная оснастка майора Пронина, его повадки, его сила, его слабости остаются для нас понятными, близкими и типичными. В череде исторических и придуманных героев, среди мифов, легенд и документов эпохи образ майора Пронина не затерялся. Вот он провожает героев «Голубого ангела», запирает за ними дверь. Он доволен успешным расследованием, а пневмония – сущий пустяк. Начинается лето 41 года. Через несколько недель, в трагических боях за Прибалтику, когда Красная армия будет отступать, его забросят во вражеский тыл. Несколько лет Пронину придется служить в гестапо, из контрразведчика превратившись в разведчика. Гороховое пальто он сменит на немецкий мундир... Эту историю Лев Овалов опишет в романе «Медная пуговица» – следующем повествовании проницкого цикла.

Итак, повесть выходила в журнале «Огонёк» и держала в напряжении всю его немалую аудиторию. К тому времени Пронин стал знаковой фигурой, от Овалова ждали новых рассказов... А он выдал повесть, которая по фабуле напоминает «Собаку Баскервилей», хотя речь в ней идёт не о преступном наследнике, а о шпионской борьбе за чертежи авиаконструктора Зайцева. Для предвоенного времени сюжет архиактуальный! Это самая совершенная книга Льва Овалова. Ему удалось продумать утончённую загадку и превратить её в повесть, которая читается на одном дыхании. Шпионскую историю Овалов сервировал с шиком-блеском. В популярной «Библиотечке военных приключений» повесть шла после шести рассказов и

вместе они составляли пронинский канон. Пожалуй, это лучшая отечественная детективная повесть, несомненная классика жанра!

Роман, который вы держите в руках, последний по времени написания из великой Прониняны. Лев Сергеевич Овалов создал его в 1961–1962 годах. Пронин – поседевший, немного обрюзгший – наденет генеральские погоны и вернется в Москву, в контрразведку. В качестве генерала он вернется на страницы нового оваловского романа. Мало кто из советских писателей в то время так откровенно писал о противостоянии советской и американской разведок, о «холодной» войне миров, о борьбе за умы, без которой невозможно существование сверхдержавы, у которой есть идея – победа коммунистического движения в мире.

Профессор Ковригина – истинно советский человек. Великий математик, чьи открытия необходимы империалистам, она всей душой предана Советской Родине. Иностранцы продумали хитрую операцию, но майор Пронин и его молодые ученики тоже не лыком шиты. Эта книга переносит нас в незабываемую эпоху интеллектуального поединка двух систем. Воистину, это был бой на высшем уровне, о котором сегодня можно только помечтать. Как и о том уровне развития науки, которого достиг Советский Союз к середине XX века и о котором пишет Овалов.

Книгу кисло принял тогдашняя литературная общественность. Считалось, что Овалов слишком прямолинейно преподносит конфликт между СССР и США, да и просто работает на КГБ. В интеллигентских кругах это уже считалось чем-то постыдным. Появлялись недобрые пародии на эту книгу, которую объявили устаревшей. Думаю, коллеги-современники не увидели, насколько важен этот оваловский взгляд на ситуацию начала 1960-х. После этой книги Овалов не писал о приключениях майора Пронина, хотя его старые книги о нем по-прежнему частенько переиздавались. Читатели-то всегда любили его книги, в особенности – пронинские. И история про похищение профессора Ковригиной – не исключение. Новые замыслы рождались. По признанию писателя, он мог бы новые пронинские сюжеты «щелкать, как орешки». Но писал и издавал другие книги – проблемные, мемуарные, историко-революционные... А история о спасении профессора Ковригиной сегодня воспринимается как своеобразное завещание писателя. И ирония, и чувство эпохи не изменили Овалову и на этот раз.

Брат Льва Овалова после войны жил в Канаде. Они иногда переписывались. Разумеется, Лев Сергеевич эту историю не афишировал, хотя его любимые герои с площади Дзержинского, конечно, прекрасно обо всем знали. Возможно, общение с братом и мысли о нем помогли писателю лучше разобраться в хитросплетениях двойной, а то и тройной жизни, свойственной буржуазному Западу. Он понимал, что это за сила – империализм. Понимал, как уязвимы и в то же время алчны «хозяева жизни», как легко превратить их в марионеток с помощью элементарного шантажа. Такой «мыльный король» Паттерсон, который не желал сотрудничать со шпионами. Ему куда выгоднее было налаживать добрые отношения с советскими партнерами... Но достаточно было нажать на тайные пружины, вызвать сколь невзрачного, столь и влиятельного немецкого гражданина – и горделивый Паттерсон стал податлив, как стажер. О том, как это случается с бизнесменами, сегодня мы знаем очень хорошо. Достаточно оглядеться вокруг. Но Овалов всё отлично понимал еще в начале 1960-х. возможно, тогда это воспринималось как нечто фальшивое. Но прошло время – и мы убедились в точности оваловского диагноза. Роман получился во многом пророческим. Вы непременно убедитесь в этом!

Мораль романа ясна: великое секретное оружие – это не те чертежи, за которыми охотятся шпионы. Это наши люди, которые никогда не сдаются и не предают Родины. В финале Пронин пьет чай с учеными, которых спас. Они благодарно улыбаются, но звонит телефон – и Ивана Николаевича вызывают по делу. У седовласого генерала Пронина нет ни минуты покоя! Нужно защищать державу. Читать такую книгу в наше время – счастье!

Глава 1. Леночка знакомится с Королёвым

В круговорот событий, о которых пойдет речь, семья Ковригиных была втянута обычным телефонным звонком... Впрочем, семья Ковригиных невелика, может быть, именно этим и объясняется, что она стала жертвой тех тайных и темных сил, которые подчас могут okazaться страшнее даже циклонов и землетрясений. Состояла семья Ковригиных всего из двух человек – Марии Сергеевны и ее дочери Леночки. Об отце – Викторе Степановиче Ковригине – Леночка знала только со слов матери. Когда дочь была маленькой, Мария Сергеевна много рассказывала ей об отце. Но чем старше становилась Леночка, тем скупее делались рассказы матери. После смерти мужа она стала суховатой, замкнутой, и даже любимой дочери нелегко было заглянуть в глубину ее сердца. И все-таки сильное, неостывающее чувство к мужу, которое пронесла через годы Мария Сергеевна, передалось и дочери. Леночка восторженно любила отца, которого не помнила, но представляла как живого, таким, каким он смотрел на нее с фотографий. Судя по снимкам, это был рослый, широкий в плечах человек, с большим покатым лбом, с узкими насмешливыми глазами, слегка курносый и всегда улыбающийся. Леночка не могла представить его себе без улыбки. Так улыбаться мог только добрый человек. Так же как и Мария Сергеевна, Ковригин был математиком, они и познакомились при поступлении в университет. Родился он в деревне под Барнаулом и любил иногда похвастаться, что он “из сибирских мужиков”. “Думаем медленно, но когда уж надумаем, – все, закон, чистая математика”. Он сглатывал иногда окончания слов, вспоминала мать, говорил правильно, но ему нравился родной деревенский говор, у него получалось: “думаю медленно”, “чиста математика”. Своими способностями он с детства поражал окружающих, но о том, что Витька Ковригин станет когда-нибудь ученым, никто в деревне, конечно, не помышлял. Он свободно делил и множил в пределах тысячи задолго до того, как выучил азбуку, а в школе, случалось, решение задачи находил раньше, чем учитель успевал объявить все условия задачи. Но когда он собрался в Москву, никому не верилось, что Витька Ковригин обретет там признание. В университет он вошел этаким бычком, в яловых сапогах, в заштопанном люстриновом пиджачке, а по конкурсу прошел первым, экзамены сдал так, что преподаватель долго у него домогался, какой же это педагог знакомил абитуриента с дифференциальными исчислениями. Он и Марию Сергеевну привлек к себе своей одаренностью. Она тоже была талантлива, и ей, не в пример Ковригину, с детства пророчили блестящую будущность. Она родилась в семье коренных русских интеллигентов, многими поколениями связанной с Казанским университетом. Она училась в десятом классе, а мыслила смелее и решительнее своих учителей. Родителям, как это нередко бывает, дочь чем-то напоминала Ковалевскую; с Лобачевским, хотя тот, как и Маша, тоже был казанец, сравнивать ее они все же не осмеливались. Поэтому вся Казань – и школьные учителя, и многие университетские преподаватели с одобрением проводили ее в Москву, именно в Москве ей следовало показать, на что способны казанцы.

На конкурсных испытаниях Машу встретили в Московском университете с таким же недоверием, как и Ковригина; если Ковригин вызывал недоверие своей неуклюжестью и совершенным неумением вести себя на людях, Маша была слишком хороша собой, трудно было поверить, будто такая красивая девушка способна целиком отдаться науке. Однако эти опасения рассеялись после первого же экзамена. Их приняли в один и тот же день, на одно и то же отделение. Оба были беспредельно увлечены своей наукой, это их и сблизило, их повлекло друг к другу, как железо к магниту, хотя трудно было сказать, кто из них железо и кто магнит. Впрочем, магнитом скорее был Ковригин, он был наивнее, неподвижнее, замкнутее, кроме того, он дичился решительно всех, кто не был причастен к математике. Маша была разностороннее, образованнее, круг ее интересов был гораздо шире, чем у Ковригина, она любила музыку,

стихи, спорт. Ковригин ходил на лыжах лучше Маши, но не понимал, как можно ходить на лыжах не по делу, а просто так, для удовольствия, ради спорта.

Маша говорила товарищам, что Ковригин талантлив, но что его надо шлифовать, мысли его значительны, но он не умеет их высказать, не умеет придать им литературную форму, без которой в наше время трудно добиться признания даже самому большому ученому.

Никто не удивился, когда Маша и Виктор поженились, они хорошо дополняли друг друга. Товарищи прозвали их “супругами Кюри”. Они вместе учились, интересовались одними и теми же проблемами и уже в университете готовились к совместной деятельности. Оба избрали своей специальностью математическую физику, ту сложную и тонкую область науки, где математика граничит с физикой, с той теоретической физикой, которая предопределила многие технические чудеса нашего времени. По окончании университета обоих Ковригиных оставили при кафедре теоретической физики, и это ни у кого не вызвало ни удивления, ни зависти, – кого ж было и оставлять для научной работы, как не Ковригиных!

К тому времени у них появилась Леночка... Не прошло двух лет, как Ковригин защитил кандидатскую диссертацию, защитил не просто успешно, а с большим блеском, от прежней застенчивости в нем не осталось и следа, работу его не только напечатали в одном из самых солидных научных советских журналов, но перевели и опубликовали в Берлине, Лондоне и Париже. Имя молодого ученого стало известно за рубежом. Успеху Ковригина много способствовала его жена, это она изо дня в день шлифовала его стиль, но защита диссертации самой Маши Ковригиной тоже была не за горами.

Ковригин защитил диссертацию в начале 1941 года, свою Маша должна была защитить в июне, в августе они собирались поехать в Ялту, отдохнуть после двух лет напряженного безостановочного труда. Но только-только успела Мария Сергеевна Ковригина защитить диссертацию, началась война. Учебные и научные заведения были тут же эвакуированы из Москвы. На всех научных работников, и в том числе на Виктора Степановича Ковригина, была получена бронь. Но Мария Сергеевна недаром говорила, что ее муж – образец честности и благородства. “Сибирские мужики, – сказал он, – не привыкли отсиживаться в кустах...” Он отказался от брони и ушел на фронт. “Ты, Маша, на меня не обижайся, – сказал он. – Мне бы не хотелось, чтобы мои дети задавали вопросы, на которые неудобно ответить...” Поскольку он был математиком, его направили в артиллерийскую часть. Сперва его назначили командиром орудийного расчета, а позже командиром батареи. “Познакомлюсь лично с берлинскими математиками, докажу им, как они просчитались, и вернусь, – неизменно твердил он в своих письмах. – Мы еще, Машенька, погуляем с тобой в Ялте...” Но погулять в Ялте ему не пришлось, как не пришлось познакомиться с берлинскими коллегами, – в апреле 1945 года Виктор Степанович Ковригин был убит при штурме крепости Кенигсберг.

Сама Мария Сергеевна годы войны провела вместе с Леночкой в Казани. Там жили родные, там легче было устроиться. Но легкость эта была весьма относительная. Ей, правда, удалось устроить Леночку в детский сад, но сама она работала в университете и регулярно дежурила то в детском саду, то в военном госпитале, а в 1942 году, когда все особенно было напряженно и тревожно, в течение чуть ли не целого года ходила работать в ночную смену на оборонный завод, тоже эвакуированный в Казань.

В Казани она и познакомилась с академиком Глазуновым, – в те годы он был еще только членом-корреспондентом, мировая известность пришла к нему спустя несколько лет по окончании войны, когда его работы сделались достоянием широких научных кругов. Но уже и в те годы авторитет Глазунова был очень велик. Это был ученый уже вполне советской формации, сравнительно еще молодой, смелый до дерзости и яростно ненавидевший педантов и начетчиков в науке. Чистый теоретик, он хотел, чтобы из его теоретических заключений еще при его жизни были сделаны практические выводы, – теория, которая не пролагает пути практике, не стоила, по его мнению, ни гроша. Он открыл новые законы акустики, и когда на основе

его теоретических умозаключений удалось значительно усовершенствовать радиолокационные приборы, он самолично понесся чуть ли не через всю страну, чтобы присутствовать при их испытании.

Глазунов неустанно интересовался всеми новыми работами в области теоретической физики. Исследования молодых Ковригиных оставили зарубку в его памяти, и, встретив в Казани Марию Сергеевну, он сразу же предложил ей идти работать в одну из своих лабораторий. Направление Глазунова в науке не вполне совпадало с темой, избранной Ковригиными, однако по широте и глубине исследований Глазунов был как бы неким солнцем, вовлекавшим в свою орбиту самых разнообразных спутников.

Несмотря на привлекательность предложения, Мария Сергеевна ответила уклончиво:

– Я должна посоветоваться с мужем, мы работали вместе и после войны вместе собираемся продолжить прерванные исследования. Глазунов ее понял и не стал торопить.

– Разумеется, – согласился он. – Время терпит. Но как только у вас и вашего мужа появится желание поработать вместе со мной, помните, двери моего института для вас распахнуты.

В то время, когда происходил этот разговор, советоваться Марии Сергеевне было уже не с кем – через несколько дней после своего разговора с Глазуновым она получила похоронную. Внешне она приняла смерть мужа довольно спокойно, не плакала на глазах у людей, не бросила работы, – родные ее в разговорах между собой решили, что за четыре года разлуки Маша отвыкла от мужа и, будучи женщиной молодой, красивой, и при этом еще с определенным положением в обществе, вскоре найдет себе человека по душе и выйдет за него замуж. Впрочем, так думали не только родные, а и многие окружающие ее мужчины, но едва лишь один из претендентов на ее руку осмелился высказать свое желание, как тут же услышал такие холодные слова, что сразу утратил всякие надежды – Лучше Виктора Степановича вы для меня быть не сможете, а хуже его мне не нужен никто... Большинство ее знакомых за глаза стали называть Ковригину “сухарем”, “синим чулком” и “айсбергом”, а меньшая часть воображала, будто Мария Сергеевна питает какие-то чувства к Глазунову, они шли в своих предположениях даже дальше, хотя на самом деле для этого не имелось никаких оснований. После смерти мужа Марии Сергеевне советоваться было не с кем, и она послала Глазунову письмо с согласием работать в его институте, который к тому времени уже возвратился в Москву. К моменту, с которого начинается наш рассказ, Мария Сергеевна давно уже имела звание доктора наук, по праву считалась одним из самых доверенных и ближайших сотрудников Глазунова и, несмотря на свою привлекательность и видное общественное положение, жила по-прежнему лишь вдвоем с Леночкой в отдельной квартире неподалеку от университета, в новом Юго-Западном районе Москвы. Леночка к этому времени стала красивой, привлекательной девушкой. Ей только что сровнялся двадцать один год, и она заканчивала третий курс медицинского института. Мать и дочь любили бывать вместе. Их связывали не только родственные отношения, но и дружба, сближало душевное целомудрие, общность интересов, одинаковые взгляды на жизнь и незримое присутствие в их жизни Ковригина. Их даже принимали иногда за сестер, тому способствовала молодость Марии Сергеевны, хотя характерами они сильно отличались друг от друга.

В характере Марии Сергеевны многое можно было объяснить пережитым ею горем, она была сдержанна, терпелива, немногословна, от нее всегда веяло холодком, но в то же время она была энергична, настойчива, прямолинейна, умела поставить на своем и умела подчинять себе Леночку.

Наоборот, Леночка была очень эмоциональна, порывиста, даже несколько неуравновешенна; общительная и доверчивая, она любила бывать в обществе и почти ко всем людям относилась с нескрываемым дружелюбием. У Марии Сергеевны и Леночки стало обычаем встречаться дома за обедом. К вечеру, часам к шести-семи, они обязательно сходились за столом,

это было их любимое время. В тот вечер, с которого начинается наш рассказ, они ели за столом нажаренную Леночкой навагу и вели ничем не примечательный разговор. Мария Сергеевна рассказывала что-то о своих институтских делах, а Леночка тараторила обо всем сразу: о подружках, экзаменах, предстоящем приезде Вана Клиберна, концертах, спорте, Лужниках, прыжках в высоту и о каких-то необыкновенных пирожных... Сидели, по обыкновению, в кухне, которая стараниями обеих женщин была превращена в самый уютный уголок в доме. Здесь стоял крытый белой эмалевой краской буфет, на белых кухонных полках поблескивала зеленой глазурью украинская керамика, окно прикрывали веселые ситцевые занавески, а на столе в синей хрустальной вазе никогда не переводились живые цветы. Мария Сергеевна выжала ломтик лимона на остатки наваги и посмотрела на дочь.

– Мне кажется, ты злоупотребляешь занятиями в бассейне, – неодобрительно сказала она. – На носу экзамены, а ты столько плаваешь...

– Но, мамочка! – перебила ее Леночка. – Ты сама знаешь: в здоровом теле здоровый дух! Мария Сергеевна покачала головой.

– Я боюсь, как бы этот дух не нахватал на этот раз двоек!

– Но, мамочка! – перебила ее опять Леночка. – Когда же это случилось?.. И тут-то и раздался телефонный звонок, который выбил Ковригиных из размеренной колеи их жизни. Телефонный аппарат находился в комнате Марии Сергеевны.

– Я сейчас, мамочка! – воскликнула Леночка. – Вероятно, это меня!

Она побежала к телефону.

– Слушаю, – сказала она, снимая трубку.

– Вас слушают! – Мне нужно Елену Викторовну Ковригину, – негромко, но четко произнес незнакомый Леночке мужской голос.

– Я вас слушаю, – повторила Леночка. – Я у телефона.

– Я попрошу вас не удивляться и ничего не отвечать, пока вы не выслушаете меня до конца, – продолжал тот же голос. – Дело идет о спокойствии вашей матери. Не говорите ничего, пока не узнаете, в чем дело. Ей угрожают серьезные неприятности, но с вашей помощью она могла бы их избежать. Вы слушаете меня?

– Да-да, – отозвалась Леночка. – Продолжайте...

– Я сослуживец вашей мамы, но сейчас я себя не назову. Не нужно тревожить вашу маму, она ничего не должна знать. Вы не могли бы со мной встретиться?

– Конечно, – сказала Леночка и почему-то смутилась, настолько необычен был этот телефонный разговор. – Но только где?

– Вы не могли бы приехать... – Незнакомец на секунду замолчал, по-видимому, он размышлял, куда бы ее пригласить. – Вы не могли бы приехать... Ну, скажем, в сквер к Большому театру? Поверьте, это очень серьезно. Мы встретимся, и я вам все объясню.

Речь шла о спокойствии, а может быть, и благополучии мамы – Леночка без размышлений согласилась с предложением незнакомца.

– А когда? – нетерпеливо спросила она.

Незнакомец тут же предложил:

– Вы не могли бы приехать сейчас?

– А как я вас узнаю?

– Я сам подойду к вам, – ответил ей таинственный сослуживец Марии Сергеевны.

– Я знаю и вашу маму, и вас.

– Хорошо, – сказала Леночка. – Я сейчас приеду.

– Значит, в сквере у Большого театра, – повторил незнакомец, – Вы будете добираться, вероятно, минут тридцать. Но только не вздумайте что-либо сказать своей маме, вы ее взволнуете и принесете только вред.

– Хорошо, – повторила Леночка. – Я все поняла. Буду у Большого театра через тридцать минут.

Леночка надела в передней пальто и зашла в кухню.

– Кто это звонил? – спросила Мария Сергеевна.

– Один знакомый, – сказала Леночка.

– А куда это ты собралась?

– К нему и собралась, – сказала Леночка. – Мне надо с ним увидеться.

– Что это уж и за знакомый? – удивилась Мария Сергеевна. – Такая скоропалительность!

– Это деловое свидание, – уклончиво отозвалась Леночка, натягивая перчатки.

– А Павлик? – напомнила Мария Сергеевна.

– Что Павлик?

– Вы, кажется, уговаривались пойти в кино?

– Это не обязательно... – Леночка слегка улыбнулась. – Подождет... – Она помахала на прощанье рукой. – Не беспокойся, скоро вернусь!..

И куда Леночка едет в поезде метро от станции “Университет” до станции “Перспект Маркса”, придется сказать несколько слов о Павлике, поскольку он играет в этом рассказе тоже немаловажную роль. Автор несколько отступил от истины, сказав, что семья Ковригиных состояла всего из двух женщин, – к моменту, с которого начинается наш рассказ, она снова почти что уже состояла из трех человек, и этим третьим был Павел Павлович Успенский, или Павлик, как звали его и сама Леночка, и его будущая теща.

Павлик был несколько наивен, упрям, иногда заносчив и даже грубоват, но тем не менее он сразу же понравился Марии Сергеевне, когда Леночка привела его в дом и представила матери. Наивен и упрям, но не потому, что недалек, а потому, что честен; заносчив и грубоват, но не потому, что самовлюблен, а потому, что убежден в своей правоте... Да, понравился! Ему не хватало, конечно, и жизненного опыта, и осмотрительности – ну а кому хватает их в двадцать семь лет?

У него было открытое лицо с жестковатыми чертами, ясные голубые глаза, смешливые пухлые губы, не утратившие еще какой-то детскости, и пышные, закинутые назад русые волосы.

– Знаете что, Павел Павлович? – сказала ему как-то в начале знакомства Мария Сергеевна. – Если вы действительно хотите дружить с нами всерьез, не торопитесь...

Он понял ее.

– А я и не спешу, – заверил он Марию Сергеевну. – Но у меня к вам тоже просьба. Не надо Павла Павловича, зовите меня просто по имени...

Но больше всего Павлик нравился Марии Сергеевне, пожалуй, тем, что чем-то напоминал Виктора Степановича, – не спорил по мелочам, ни в чем не скрывал своей заинтересованности и хотел нравиться не всем людям на свете, а лишь тем, кто нравился ему самому, – в его характере было много черт, свойственных всякому настоящему мужчине.

Леночка познакомилась с Павликом в институте – она училась на первом, он – на последнем курсе. Впервые они разговорились не то в буфете, не то в коридоре у стенгазеты, они не могли точно вспомнить, где состоялось их знакомство. Влюбленным покровительствовала судьба: Павлика оставили после окончания института в Москве. Сам он ничего не предпринимал, чтобы остаться в столице, он заранее соглашался с любым решением комиссии по распределению выпускников. Но комиссия без каких бы то ни было просьб и ходатайств решила оставить выпускника Успенского в столице. Его дипломная работа о применении изотопов в медицинской диагностике свидетельствовала о том, что он не напрасно посещал клинику профессора Вейсмана. Не так уж много студентов посвящали себя изучению изотопов, и врачу, избравшему такую специальность, следовало поработать в столичных клиниках, чтобы полностью овладеть предметом.

Больница, в которой работал молодой врач и рядом с которой жил, находилась на Красной Пресне. Для того чтобы добраться до Леночки, ему каждый вечер приходилось проделывать длинные концы в трамвае, в троллейбусе и в метро. Времени на это уходило много, и все-таки редкий день проходил без того, чтобы Павлик не навестил Ковригиных.

Однако Леночка как будто не слишком ценила эти усилия, потому что сама не так уж часто появлялась дома много раньше Павлика – собрания, заседания, соревнования, у нее всегда находилось множество уважительных причин, и Мария Сергеевна, коротавшая в таких случаях время с Павликом, иногда упрекала дочь:

– Смотри, отобью у тебя поклонника!

На что Леночка, смеясь, отвечала:

– Пожалуйста, пожалуйста, своей матери я поперек дороги не стану!

Вот об этом-то Павлике и завела речь Мария Сергеевна, когда Леночка внезапно собралась на свидание с каким-то своим знакомым.

Леночка поднялась на площадь Свердлова в то самое время, когда поток московских зрителей устремляется вечером в театры. Она осмотрелась по сторонам и перебежала площадь. Майские сумерки окрашивали здание Большого театра, людей и растения в голубоватые тона. Было прохладно, но все скамейки в сквере были заняты. Леночка подумала, что она правильно поступила, надев пальто. Даже в пальто ей было свежо. Она вглядывалась в прохожих, будто знала, с кем ей предстоит встретиться, поймала себя на мысли, что этого-то она и не знает, растерянно посмотрела вокруг себя, увидела, как на одной из скамеек освободилось место, и поспешила его занять. Она принялась сосредоточенно рассматривать клумбу. Клумба была покрыта только что высаженными в грунт исчерна-синими и темно-лиловыми бархатистыми анютиныными глазками. Эти цветы напоминали ночных тропических бабочек. Никто к ней не подходил. “Дурацкий розыгрыш, – подумала она. – Кому это вздумалось подшутить? И так глупо подшутить! Сыграть на моем чувстве к матери...” Она решила подождать еще десять... нет, пятнадцать минут и уйти.

– Елена Викторовна? – неожиданно услышала она над своей головой негромкий, но отчетливый и уже знакомый ей голос.

Она так и не заметила, как он подошел.

Леночка подняла голову. Он стоял перед нею. Она сразу поняла, что это не розыгрыш. Он стоял перед нею, серьезный, внимательный и даже почтительный. Ну не юноша, но, в общем, молодой еще человек, лет тридцати, не больше. В первое мгновение он Леночке не понравился. Она всех людей делила на круглых и квадратных, это было какое-то ее особое, личное определение, придуманное ею еще в детстве. Круглые были хорошие – ласковые, мягкие, мысленно их можно было даже погладить, а плохие квадратные – угловатые, жесткие, неудобные. Сперва появившийся перед ней человек показался ей квадратным, но через минуту она поняла, что он круглый. Он стоял перед Леночкой вытянувшись, точно перед начальством, взгляд его был застенчив и слегка вопросителен. Было видно, что это очень воспитанный человек. Вежливый и ласковый.

– Да, это я, – сказала она, вставая.

– Очень рад, – сказал тогда незнакомец.

– Я видел вас раза два, но издали. А теперь вижу вблизи. Вы похожи на свою маму.

Он протянул Леночке руку, и, хотя она ничего еще от него не услышала, она крепко ее пожала и сразу перешла на деловой тон.

– Что вы хотели мне сказать?

– Только не здесь... – Незнакомец еле заметно улыбнулся. – Пойдемте.

Леночка недоверчиво на него посмотрела.

– Куда? – И тут же решительно заявила: – Я никуда не пойду!

– А я вас никуда и не зову, – сказал незнакомец. – Просто пойдем куда-нибудь в сторону, где поменьше народа. Не нужно, чтобы нас кто-нибудь слышал.

– Я никуда не пойду, – сердито повторила она. – Мне вообще не следовало приходить.

– А это уж вы решите сами, – вежливо сказал незнакомец. – Перейдем в сквер против “Метрополя”, там меньше публики и можно спокойно поговорить.

Молча и не спеша пересекли они площадь. Со стороны трудно было предположить, что это незнакомые люди. Леночка искоса рассматривала своего спутника. Отлично сшитый костюм из серой ворсистой ткани, нарядные, в меру узкие черные ботинки из мягкой кожи, какие купишь далеко не в каждом обувном магазине, бордовые тонкие носки и... Леночка подняла глаза... и такого же цвета галстук... “Парень со вкусом, – подумала Леночка и поглядела ему в лицо. – Красивый парень. Открытый лоб, строгие серые глаза, волевые губы... С таким можно куда угодно пойти!”

В сквере против “Метрополя” публики действительно было немного. Незнакомец подошел к свободной скамейке, вежливо подождал, пока сядет Леночка, и сел сам.

– Так я слушаю, – повторила она еще раз. – Что же вы хотите сказать?

– Вот теперь скажу... – Незнакомец слегка ей поклонился. – Но прежде я должен извиниться, я вас обманул, я не сослуживец вашей мамы, она обо мне даже не слышала.

Тогда Леночка подумала, что человек этот просто искал предлог, чтобы познакомиться с нею самой, и решила тотчас уйти, как только он об этом скажет.

– Но встретился я с вами именно для того, чтобы обезопасить вашу маму от грозящих ей неприятностей, – продолжал он, словно угадав мысли Леночки. – Вы комсомолка, и я могу вам открыть то, что не следует знать каждому встречному – поперечному.

Он испытующе посмотрел Леночке в глаза, точно еще раз хотел убедиться, что ей можно довериться. Да, он колебался: говорить или не говорить. Леночка ощутила это совершенно отчетливо.

– Видите ли, Елена Викторовна, я сотрудник органов государственной безопасности, зовут меня Королев, Петр Васильевич Королев, – не спеша и даже будто бы нерешительно произнес ее новый знакомый. – Мы не пригласили вас к себе, не вызвали, так сказать, официально, чтобы не привлечь внимание... Королев тут же оглянулся, точно они и впрямь могли привлечь чье-то внимание, и у Леночки сразу стало тревожно на душе.

Затем он вынул из бокового кармана пиджака маленькую книжечку в красном сафьяновом переплете.

– Вот мое удостоверение, – сказал он, подавая его Леночке.

– Да нет, зачем же, – сконфуженно пробормотала Леночка. – Я вам верю...

– И напрасно, – назидательно сказал Королев. – Все-таки посмотрите для порядка.

Леночка раскрыла книжечку, и там действительно было написано, что капитан Королев является сотрудником Комитета госбезопасности, стояли печать и подписи...

Леночка вернула удостоверение.

– Я вам и так поверила, – еще раз сказала она. – Пожалуйста, говорите.

– Елена Викторовна, поскольку вы комсомолка, и, как нам известно, хорошая комсомолка, мы решили просить у вас небольшой помощи... Какой-то гражданин в зеленой, не по сезону теплой велюровой шляпе и с рыжим портфелем в руке опустился на скамейку рядом с ними.

Королев замолчал – могло показаться, что он задумался. Гражданин закурил. Леночка чертила песок каблукочком. Гражданин с портфелем затянулся папиросой и поглядел на них.

– Извините, – произнес он и усмехнулся. – Я не буду мешать... Поднялся, затянулся еще раз, бросил папиросу в урну и удалился.

– Вот видите, как все хорошо, – облегченно сказал Королев. – Даже прохожие не хотят нам мешать... – Он улыбнулся, похлопал рукой по карману и осведомился: – Вы не курите?

– Нет-нет, что вы!

– Почему? – возразил Королев. – Медики все курят.

Леночка еще раз отрицательно покачала головой и вопросительно поглядела на Королеву.

– Так что ж? – снисходительно спросил он. – Вернемся к нашему разговору? – И засмеялся дружественным и каким-то успокаивающим смехом. – Видите ли, Елена Викторовна, дело у нас к вам... Как бы это выразиться... Несколько щекотливое... Надеюсь, вы меня понимаете?

– Нет, – сказала Леночка. – Нет, пока еще ничего не понимаю.

– Так слушайте, – сказал Королев. – Но помните: о том, что я вам скажу, никто не должен знать, ни один человек. Ни ваша мама, ни ваши подруги, ни даже ваши товарищи по комсомолу. Вы понимаете?

– Да, – сказала Леночка. – Это я понимаю.

– Так вот... – Королев вздохнул, как бы набираясь сил для того, чтобы сказать что-то очень важное. – Ваша мама работает с академиком Глазуновым... Даже не так. Товарищ Ковригина да еще, пожалуй, профессор Федорченко – ближайшие сотрудники Глазунова. В настоящее время Глазунов... Или он сам, или кто-либо из его сотрудников... Словом, в его институте сделано крупное открытие.

Леночка настороженно взглянула на Королеву.

– Нет-нет, я не спрашиваю вас об этом открытии, – успокоил он ее. – Мы знаем о нем больше, чем вы, а вполне возможно, что вы о нем вообще ничего не знаете. Но дело в том, что об этом открытии стало известно разведке одной капиталистической страны. И она сейчас с совершенно определенными целями очень интересуется Глазуновым и его сотрудниками. Очень активно интересуется. Мы должны, с одной стороны, обезопасить наших людей, а с другой – выловить вражескую агентуру. И вот в этом деле вы можете нам помочь.

– Я не понимаю вас... – растерянно сказала Леночка. – Что же я могу? Я действительно...

– Минуту терпения, – прервал ее Королев. – Нащупать вражескую агентуру не так-то просто. Они, конечно, будут кружить где-то возле Глазунова, возле Федорченко, возле вашей мамы. Не можем же мы взять на подозрение всех людей, с которыми общаются Ковригина или Глазунов. Но среди них могут оказаться и те, кто нас интересует. Вот мы и хотим просить вас вести наблюдение за всеми, кто встречается с вашей мамой. В институте у нас есть к кому обратиться, а вот дома... Это можете сделать только вы. Поэтому единственное, о чем мы вас просим, поменьше отлучаться из дома, брать на заметку всех, кто у вас бывает, и информировать об этом нас.

– А как же я буду информировать? – спросила Леночка. – И если не о чем будет информировать?

Королев снисходительно усмехнулся.

– Вы просто должны сообщать обо всем, что произошло у вас за день. А это уж наше дело разобраться, что в вашем сообщении заслуживает внимания, а что нет. И поскольку связь с вами поручена мне, я и буду вас вызывать...

Леночка была подавлена.

– Но позвольте, – возразила она. – Чем моя мама может интересоваться иностранную разведку?

– А это уж надо спросить иностранную разведку, – сказал Королев. – Надо полагать, кое-какие основания для такого интереса все-таки есть.

– Но моя мама никогда никому и ничего не расскажет о том, о чем нельзя рассказывать.

– А иностранная разведка в этом, очевидно, не уверена, – заметил Королев.

– Хорошо, мне все ясно, – решительно сказала Леночка, беспокойно поглядывая на кусты, ставшие совсем черными в свете вспыхнувших на площади фонарей. – А где же я должна с вами встречаться?

– Я буду звонить вам по телефону и каждый раз назначать место, куда вам следует прийти. – Он протянул ей руку. – Договорились?

Леночка неуверенно прикоснулась к его руке.

– Как же так? – упрекнул ее Королев. – Вы, кажется, колеблетесь? Да вы не волнуйтесь, это дело всего двух – трех недель. Те, кто сует нос не в свое дело, будут задержаны, и ваша жизнь снова войдет в обычную колею.

На мгновение он задумался.

– Кстати... – вспомнил он. – Ваша мама берет на дом работу из института?

– Что вы! – воскликнула Леночка. – У них там на этот счет очень строго. Даже меня не пускают в ее лабораторию.

На этот раз улыбнулась Леночка. Ей было понятно: Королев задал свой наивный вопрос нарочно, чтобы проверить, насколько бережно относится ее мама к хранению служебных документов.

– В таком случае все, – сказал Королев. – Будем считать, что знакомство состоялось, поручение я вам передал. И запомните, что наши отношения – тайна. Это проверка вашей комсомольской зрелости.

Королев взял Леночку под локоть и помог ей подняться.

– Надеюсь, вы не обидитесь, если я не пойду вас провожать? – спросил он. – Меня ждет начальство, я обязан доложить о нашем свидании.

Он поклонился и как будто нехотя отпустил руку Леночки. Она повернулась и быстро побежала к метро. Смуглые женщины метались перед входом в метро с пучками желтых и красных тюльпанов.

– А вот дешево! А вот цветы! – кричали они.

Не торгуясь, Леночка купила несколько тюльпанов и кинулась вниз по эскалатору.

Леночка возвращалась домой в большом волнении. Пожалуй, ее больше расстроило не то, что она услышала от Королева, сколько необходимость скрывать все это от своих близких. Что она им скажет? Во всяком случае, врать не будет. Не умеет и не будет. Просто она ничего не скажет. Она взрослый человек, и это ее право – говорить или не говорить. Она не может говорить. И не хочет. Должен же быть у них какой-то такт? Они не должны ее спрашивать, пока она сама не захочет сказать... Вот в таком возбужденном состоянии она и вернулась домой.

Павлик ждал ее в комнате у Марии Сергеевны. В темноте светился лишь зеленый глаз радиоприемника. Мать и Павлик сидели на тахте и слушали концерт.

– Господи, опять этот хор! – с досадой крикнула Леночка. – Неужели не надоело?

Мария Сергеевна молча выключила приемник и зажгла люстру. Комнату залило ярким светом.

Леночка протянула матери тюльпаны и села рядом с Павликом.

– Откуда это? – спросила Мария Сергеевна, кивая на цветы.

– От поклонника! – воскликнула Леночка. – Откуда же быть цветам?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.